

рый им в Албании подсунили в последнюю очередь. Его-то в первую очередь и вытащили талибы из самолета.

Их могли убить, потому что «амуниция» — 34 тонны патронов предназначалась врагу — войскам Северного Альянса, возглавляемого президентом Афганистана Рабани. В стране, терзаемой десят-ки лет гражданской войной, правды не найти. И защиты — тоже.

Наконец, их могли убить, потому что самолет Ил-76 и его экипаж были российскими. А это означает, по убеждениям талибов, что Россия по-прежнему воюет против Афганистана, несмотря на вывод своих войск в феврале 1989.

Но их не убили. Не из жалости, нет. Просто живые они были нужнее талибам. Кто знал про движение «Талибан» в этом мире? Кто слышал название афганского города «Кандагар»? Те-перь узнали и услышали все. А он, рядовой российский летчик, оказался в эпицентре политической игры.

Его допрашивал сам мулла Омар — глава талибов. Он допытывался, откуда патроны, кто заказчик? Ответы Шарпатов, что груз из Албании, его не удовлетворяли. Омар хотел услышать другое — из России! Его раздражал русский летчик, который ради спасения своей жизни вроде бы должен говорить другое. Мягким восточным ковром он выстилал перед Шарпатовым дорогу предательства. Откажись от Родины, вызови этого бородатого Мунира (флай-менеджера фирмы). «Его мы будем судить, а вас отпустим», — говорил Омар, который был тонким психологом.

Но Шарпатов гнул свою линию: «Это мой первый такой рейс! Я ничего не знал. Россия здесь ни при чем. Мы работаем на частную

фирму». Маленькие победы можно одерживать и в безнадежной ситуации. Поддайся он давлению Омара — тогда выявилась бы система поставок правительству Рабани. А это — смерть! Над ними могли легко расправиться.

Мунира он по радиосвязи предупредил на английском языке: «Здесь тебе появляться нельзя, ждет смерть».

Первую ночь в Кандагаре экипаж провел в самолете. А наутро пытка вопросами продолжилась, но теперь в присутствии министров иностранных дел и обороны Пакистана, притащивших с собой кучу газетчиков. Пакистанцы допытывались до «индийского следа» в поставках патронов Кабулу. Расклад геополитической борьбы в регионе Шарпатов узнал за несколько дней.

О талибах Владимир Ильич говорит просто и беззлобно: «Они — дураки! Не изъяли у нас полетную документацию. Я приказал уничтожить листы бортового журнала, где отражаются полетные задания, были указаны последние пункты посадки, а также потребовал засветить фотопленки, на которых мы рядом с албанскими офицерами».

Но и это еще не все. Когда экипаж с аэродрома повезли в Кандагар, Шарпатов вспомнил о своей записной книжке, в которой тоже были записаны эти полеты. Это — улика! Эти два листочка он начал потихоньку жевать и выплевывать.

О допросах Омара Владимир Шарпатов говорит спокойно: глава талибов отрабатывал номер. Самое тяжелое в воспоминаниях Владимира Ильича не грубость тюремщиков и даже не сама тюрьма — каменный мешок, в котором он просидел больше года. Самое тяжелое, когда не понимают свои.